

А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ — ОГАРЕВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Александр Александрович *Серно-Соловьевич* (1838—1869) — выдающийся деятель русского революционно-демократического движения, один из виднейших и влиятельнейших представителей «молодой эмиграции».

Дворянин по происхождению, он окончил Александровский лицей в Петербурге в 1857 г. и вместе со своим старшим братом, Николаем Александровичем, принимал деятельное участие в революционном движении начала шестидесятых годов. Александр Александрович был близок к Чернышевскому и являлся одним из организаторов тайного общества «Земля и воля». В 1862 г. он уехал за границу. Через некоторое время брат его Николай был арестован, и сам он оказался привлеченным к делу брата. Правительство потребовало возвращения А. А. Серно-Соловьевича на родину. Не сомневаясь в том, что ему угрожает суровая расправа, он решил остаться за границей.

Все знавшие А. А. Серно-Соловьевича отзывались о нем, как о человеке выдающемся. «Это был, — пишет про него Н. В. Шелгунов, — человек кипучей энергии, горячий, скорый, смелый и очень умный» (Н. В. Ш е л г у н о в. Воспоминания. М.—П., 1923, стр. 158).

Революционная деятельность А. А. Серно-Соловьевича за границей и отношения его с Герценом освещены в наших статьях: «А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в женевском рабочем движении» («Исторический сборник Института истории Академии Наук СССР», вып. 5, М. — Л., 1936) и «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941), а также в публикациях Ф. Фрейденфельда «Листовка А. А. Серно-Соловьевича против Н. П. Огарева» (там же) и О. К. Булановой-Трубниковой «Пятнадцать неопубликованных писем с приложением записки А. А. Серно-Соловьевича об его имущественном положении» («Звенья», V, 1935).

Отсылая читателей, желающих познакомиться подробнее с жизнью и деятельностью Серно-Соловьевича, к перечисленным работам, остановимся кратко на вопросах, затронутых в публикуемом ниже письме его к Огареву.

За границей Серно-Соловьевич находился в весьма тяжелом материальном положении. Оно осложнялось болезнью, принявшей особенно острый характер весной 1865 г. и заставившей друзей поместить Серно-Соловьевича в специальное лечебное заведение.

Что касается его литературной деятельности, то она была крайне ограниченной. Выступать с самостоятельными литературными работами Серно-Соловьевичу удавалось редко. Доступ в легальные русские журналы был для него почти совершенно закрыт. Так, например, попытка его напечатать в «Деле» в 1862 г. статью «На новый год» не увенчалась успехом.

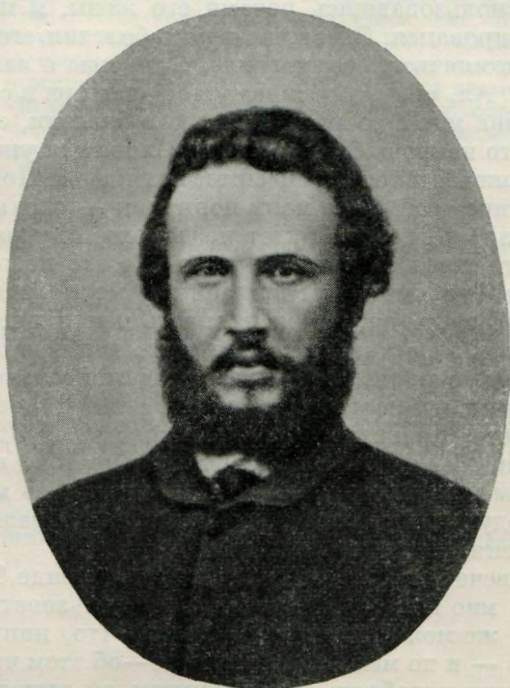
Неосуществленным оказалось и его намерение написать учебник русской литературы, о котором идет речь в печатаемом ниже письме.

Дату письма можно уточнить без особых затруднений: в письме цитируется IV часть «Былого и дум», вышедшая в 1867 г.; следовательно, письмо не могло быть написано ранее этого года; упоминание о В. И. Касаткине, умершем 10 декабря того же года, доказывает, что письмо написано не позже 1867 г.

Дата письма очень существенна: она дает возможность установить, когда именно возобновились прерванные отношения между Серно-Соловьевичем и Герценом и Огаревым. Напомним, что менее чем за год перед этим Серно-Соловьевич выпустил резкую листовку «Польский вопрос. Протест русского против „Колокола“», направлен-

ную против Огарева, и менее чем за полгода — еще более резкую брошюру «Наши домашние дела», направленную против Герцена. Письмо, в котором Серно-Соловьевич обращался к Огареву с просьбою о дружеской услуге, показывает, что острота во взаимоотношениях между ним и издателями «Колокола» начала уже смягчаться. Это придаст особый интерес публикуемому ниже письму.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 172).

А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ

Фотография, 1860-е гг.

Воспроизводится по фототипии

Исторический музей, Москва

(Женева, 1 ноября 1867 г.)

Позвольте обратиться к вам, Николай Платонович, с просьбою, по поводу которой я считаю нужным войти в некоторые объяснения. Мне очень хочется заняться составлением учебника русской литературы как для уроков здесь, так и для напечатания в России; к тому же уроки вообще и русского языка в особенности — почти единственное средство к жизни¹. Меня хотя и выгнали из двух домов на прошлой неделе, но это ничего не значит. Для составления учебника нужен материал, т. е. книги, а их можно достать только у Касаткина. Теперь вам, вероятно, более или менее понятна моя просьба. Она состоит в том, чтобы вы сказали Касаткину, что задумали составить учебник русской литературы и потому чтобы он дал вам полнейшую возможность пользоваться его библиотекой, т. е. брать книги на дом. Назвать меня, значило бы заранее пресечь всякий путь в его сокровищницу², так как наши посольства отозваны. Причина, бывшая поводом к нашим враждебным отношениям, очень неинтересна, — я говорю поводом, потому что к нам двум можно с полным правом применить гл. XXXVII 4-го тома «Былого и дум», где я,

конечно, играю роль австрийцев, а он — итальянцев: действительно, глядя на нас двух, можно сказать: «Не рано ли вы, братья, заговорили о солидарности, братстве и прочих очень милых вещах?»³ Вы знаете, может, что, когда мне буквально нечего было есть, он пригласил меня к себе, за что я ему и поднесь очень благодарен. Прожив у него неделю (за что ему, впрочем, подарил 14 томов Шлоссера⁴), я вполне узнал и родину свою, и Апраксин двор, и самодуров Островского, и темное царство гениального Добролюбова. Воспользовавшись родами его жены, я поблагодарил его за хлеб-соль и регировался. Затем, во время болезни его жены, я приходил раза два осведомляться о ее здоровье. Однажды я зашел к ним после обеда и, застав Ел. Ал. одну, просидел у ней часа три в самой дружеской беседе. Говорила она мне о тоске по России, о болезни, о том, что ходить не может, о том, что непрочь бы и умереть. Словом, я ушел с очень тяжелым чувством и полный юношеской симпатии к ней. Под влиянием этих впечатлений я и написал ей — по моим понятиям — очень милую записку, в которой предлагал, когда она будет нездорова, скучна и одна, присылать за мной в виде чтеца ей русских книг. На это послание сам Касаткин отвечал мне письмом, исполненным мордобития. Разумеется, я уж ничего не отвечал, зная, какая пропасть между нашим воспитанием и развитием. Все это я рассказываю для того, чтобы объяснить вам, что иначе моего дела не устроить, как если он действительно будет убежден, что книги нужны вам, что составляет учебник вы. О моей педантической аккуратности можете справиться у Чернецкого⁵ {...} Этим я хочу сказать, что возвращал бы книги в совершенной чистоте и в назначенный день. К тому же мы могли бы условиться, в какой день менять книги. Но считаю долгом предупредить вас, что книги нужны разом в порядочном количестве. Вы меня обяжете ответом.

Я ничего не отвечаю А. И. на его записку о фонде⁶, собственно потому, что отвечать мне нечего. Я могу только пользоваться фондом, следовательно, какой же мой голос в этих делах? Что, например, Черкесов был кругом неправ — и по мысли, и по манере — об этом что же и говорить; но ведь должно также разобрать, каким путем он дошел до того, что позволил себе подобную выходку⁷. Пожалуйста, поймите мои слова: я совсем не защищаю самый факт, я только хочу сказать, что по отдельному, выхваченному факту нельзя судить о деле. Да хоть бы моя история и Касаткина. Разумеется, что от него несет лабазом и гостиным двором, но разумеется также, что тот же лабазник не позволил бы себе того, что он позволил, если б в наших отношениях вообще не было крайней натянутости. Или хоть другой пример — Элпидин⁸. Мое мнение, что он дурак, он принял и проводил меня матушкой, он, наконец, написал в Россию, что я подличаю перед редакцією «Колокола», которой продал себя за коректуры. А я все-таки скажу, что Элпидин — человек последовательный и что в нем есть хорошая жилка, есть то, что называется *сила*, но которая приняла безобразное направление, вследствие милых отношений, господствующих между русскою эмиграциею. Но эта объективность воззрений и суждений составляет одну из главных черт нашего поколения. Вообще, если мне не придется убить себя, когда-нибудь напечатают и мои записки⁹, в которых русской эмиграции принадлежит большой отдел. За отсутствием художественной артистичности и фантазии, в них много психического анализа и сухой действительности.

Еще раз, Николай Платонович, вы меня очень обяжете, если дадите возможность пользоваться книгами этой «собаки на сене». Эти слова не мои, а Крюлова.

Ваш Серно-Соловьевич

¹ Привести в исполнение свое намерение Серно-Соловьевичу не удалось. Отметим, кстати, что им был приготовлен и издан немецкий учебник русского языка, выдержавший несколько изданий.

² Отношения между Серно-Соловьевичем и другими представителями «молодой эмиграции», с одной стороны, и В. И. Касаткиным, с другой, отличались чрезвычайной враждебностью. Касаткин был известным библиофилом и владельцем весьма ценной библиотеки, которую он, эмигрировав из России, сумел переправить в Женеву. После смерти Касаткина библиотека его была приобретена фельдмаршалом кн. Барятинским и в настоящее время находится в составе Государственной исторической библиотеки в Москве. Подробнее о Касаткине см. в следующем томе «Лит. наследства».

³ В кавычках приведена неточная цитата из XXXVII главы IV тома «Былого и дум». Рассказывая о своей поездке по Гардскому озеру на австрийском пароходе «Князь Радецкий» и о неприкрытой враждебности ехавших на этом пароходе итальянцев к австрийским офицерам, Герцен писал: «Не рано ли так опрометчиво толковать о солидарности народов, о братстве и не будет ли всякое насильственное прикрытие вражды одним лицемерным перемирием?» (XIII, 360).

⁴ Фридрих-Христофор Шлоссер (1776—1861) — немецкий историк. Речь идет о его «Всемирной истории»; она переводилась на русский язык сперва под редакцией Н. Г. Чернышевского, а после его ареста — В. А. Зайцева.

⁵ См. в следующем томе «Лит. наследства» публикацию писем Л. Чернецкого к Герцену и Огареву.

⁶ Речь идет об «Общем фонде», созданном при редакции «Колокола».

⁷ Об А. А. Черкесове см. в настоящем томе, стр. 130. Черкесов был товарищем А. А. Серно-Соловьевича по Александровскому лицей и одним из его ближайших друзей. О какой провинности Черкесова перед Герценом говорится в письме, определить трудно. Еще в августе 1865 г. Черкесов возвратился в Россию. Таким образом, речь идет об эпизоде, относящемся к прошлому. Возможно, что именно этот эпизод имел в виду Герцен, когда в июне 1865 г. писал сыну: «Скажи Огареву, что я Черкесова) пробирал всем на свете—смеялся над ним, ругался,—ничего, как к стене горох. Но деньги он отдаст, за это отвечаю и я, даже в случае смерти, — он сделал распоряжение» (XVIII, 153).

⁸ О М. К. Эллидине см. ниже, в разделе «Аннотации».

⁹ Судьба этих записок А. А. Серно-Соловьевича остается неизвестной.